

А.К. МИХЕЕВ*

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ «ЗЕЛЕННЫХ» ПАРТИЙ НА УЧАСТИЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КОАЛИЦИЯХ В ПАРЛАМЕНТСКИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ¹

Аннотация. Возникшие в 1980-е годы как разновидность «нишевых» партий, «зеленые» в настоящее время превратились в значимых политических игроков в странах Западной и Северной Европы. Они увеличивают свое представительство в национальных парламентах и достаточно часто участвуют в коалиционных правительствах. Для увеличения шансов на вхождение в правительство у них возникает стимул расширять политическую повестку для привлечения новых избирателей. В этой статье ставится вопрос, каким образом программные трансформации «зеленых» влияют на их участие в правительственных коалициях в странах Западной и Северной Европы. Исследование проведено на основе базы данных Manifesto Project Main Dataset методом логистического регрессионного анализа. Наряду с трансформацией программ «зеленых» тестируются факторы, вытекающие из классических теорий формирования правительственных коалиций: политический вес партии в национальном парламенте и идеологическая близость партнеров по коалиции. Проведенное исследование, подтверждая значимость этих факторов, позволяет сделать вывод, что расширение «зелеными» политической повестки, т.е. сни-

* **Михеев Андрей Константинович**, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, аспирант, ассистент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), e-mail: andreymikheev17@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания № 124021400020–6 темы «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения».

© Михеев А.К., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.03.11

жение доли вопросов окружающей среды в предвыборной программе по сравнению с предыдущим электоральным циклом, повышает их шансы на вхождение в правительственную коалицию. Таким образом, «зеленые» демонстрируют прагматизм, адаптируясь к политической повестке потенциальных партнеров по коалиции.

Ключевые слова: «зеленые»; парламентская система; правительственные коалиции; минимально выигрышная коалиция; идеологическая близость; нишевая партия; Западная Европа; Северная Европа; логистическая регрессия.

Для цитирования: Михеев А.К. Влияние программных трансформаций «зеленых» партий на участие в правительственных коалициях в парламентских странах Западной и Северной Европы // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 261–279. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.11>

Введение

В 1980-х годах в странах Западной и Северной Европы появились новые политические партии – «зеленые». Они образовались из среды активистов, которые стремились обратить внимание на загрязнение окружающей среды, и именно эта общественно значимая проблема оказалась в центре внимания «зеленых» партий. В настоящее время «зеленые» превратились в важных политических игроков в странах Западной и Северной Европы. Они пользуются значительной поддержкой избирателей, представлены в парламентах и достаточно часто участвуют в коалиционных правительствах.

Для увеличения шанса на вхождение в правительство в парламентских системах партии стремятся занять как можно больше мест в законодательном органе власти. Будучи изначально «нишевыми партиями» (*niche parties*), «зеленые» пытаются «вырасти» из этого статуса, стараясь расширять политическую повестку для привлечения новых избирателей. Однако в силу своих особенностей «нишевые партии» могут столкнуться с противоречивыми результатами от подобных трансформаций, поскольку это может привести к снижению поддержки избирателей, интересующихся теми проблемами, на которые, в отличие от мейнстримных, делают акцент «нишевые партии». В данной статье предпринята попытка выявить влияние программных трансформаций «зеленых» партий на участие в правительственной коалиции.

Нишевые партии

Один из первых исследователей «нишевых партий» К. Мудде подчеркивает, что такие партии не представляют комплексную идеологическую программу, а вместо этого концентрируются на единственной проблеме, которая имеет общественное значение [Mudde, 1999, p. 183]. Именно эта характеристика стала ключевой для концептуализации феномена «нишевой партии». Б. Мегид, развивая идеи К. Мудда, утверждает, что «нишевые партии» отклоняются от традиционного классово-ориентированного подхода в политике. Они выдвигают в повестку новые проблемы, зачастую не соответствующие существующим политическим разногласиям [Meguid, 2005, p. 349]. Д. Бишоф характеризует «нишевость» как конкуренцию в конкретных политических сегментах, игнорируемых другими партиями, и безразличие к дискуссиям по более широкому кругу вопросов [Bischof, 2015, p. 224]. По мнению Т. Майера и Б. Миллера, «нишевые партии» характеризуются вниманием к вопросам, которыми пренебрегают остальные акторы [Meyer, Miller, 2013, p. 261]. В подтверждение можно привести лозунг канадских «зеленых»: «Не левые. Не правые. Вместе вперед»¹.

За последние четыре десятилетия «нишевые партии» укоренились практически во всех партийных системах стран Европы. Исследователи выделяют среди «нишевых партий» «аграриев», которые сосредоточены на сельском хозяйстве и расколе между городом и деревней [Batory, Sitter, 2004, p. 524]; «регионалистов», акцентирующих внимание на автономии или сепаратизме как инструментах решения социальных и экономических проблем на определенной территории [Muller-Rommel, 1998]; «антииммигрантские» партии, которые подчеркивают соответствие между государством и нацией и «монокультурализм», включающий гомогенизацию граждан [Mudde, 1999, p. 187]; «евроскептиков», выступающих против Европейского союза как наднационального института и за протекционизм собственного рынка [Taggart, 1998, p. 364–367]; «пиратов», стремящихся привлечь внимание к гражданским правам в цифровой сфере и демократическим практикам

¹ Quebec's Green Party leader eyeing federal job if Elizabeth May steps down // CBC – 3.11.2019. – Mode of access: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/green-party-elizabeth-may-alex-tyrrell-leadership-race-1.53463240> (accessed: 29.02.2024).

прямого участия в политической жизни государства [Khutkyu, 2019, p. 50]; «зоозащитников», которые руководствуются в своей политической деятельности ценностью животных и взаимозависимостью их с людьми и окружающей средой [Lucardie, 2020, p. 214]; «зеленых», концентрирующихся на защите окружающей среды, устойчивом развитии и пацифизме¹.

Именно последние являются наиболее успешными и влиятельными среди всех «нишевых партий». Начиная с 1980-х годов «зеленые» постепенно увеличивали свой электоральный вес. В Финляндии, например, они увеличили долю мест в парламенте с 1% в 1983 г. до 10% в 2021 г. Уже в 1990-е годы «зеленые» стали обладать коалиционным потенциалом. Так, в Финляндии в 1995 г. и в Германии в 1998 г. они впервые вошли в национальные правительства, а в XXI в. «зеленые» регулярно участвуют в правительственных коалициях в самых разных странах Европы. Их лидеры занимают важные министерские посты, например, министерство иностранных дел в Германии в 1998 г. возглавил Й. Фишер, представляющий Bündnis 90 / Die Grünen. На данный момент представители «зеленых» есть в 16 европейских парламентах и в 6 правительствах.

Вместе с тем М. Вагнер обращает внимание на то, что «нишевые партии» – не бинарная категория, а «вопрос степени» [Wagner, 2012, p. 851]. Это значит, что степень акцента «зеленых» партий на проблеме окружающей среды варьируется под влиянием разных факторов. Как подчеркивал Э. Даунс, для привлечения избирателей необходимо стремиться к медианному голосующему [Downs, 1957, p. 138] и уделять внимание широкому спектру вопросов. Вместе с тем многие исследователи полагают, что это может привести к снижению поддержки ядерного электората, который голосует за партию только из-за вопроса, который не освещают другие акторы. Поэтому «нишевые партии» не склонны трансформироваться вслед за медианным избирателем [Ezrow, Adams, Clark, Glasgow, 2006, p. 525], они скорее чувствительны к своему ядерному электорату и меняются вслед за ним, при этом сохраняя свои акценты на узком круге вопросов [Ezrow, De Vries, Steenbergen, Edwards, 2010, p. 288]. Другие исследователи считают,

¹ OUR MISSION // Global Greens. – Mode of access: <https://globalgreens.org/about/> (accessed: 29.02.2024).

что «нишевые» партии ставят свои политические цели выше, чем получение голосов или министерской должности. Это предположение было подтверждено на примере выборов в десяти западно-европейских демократиях (Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Ирландия, Нидерланды, Швеция и Великобритания) с 1976 по 1998 г. [Schumacher, de Vries, Vis, 2013, p. 465].

Ряд авторов обращают внимание на структуру самой организации и ее влияние на изменение программных предпочтений. В партии с преобладанием активистов принятие внутренних решений распределяется между субъектами (такими как региональные и местные отделения). Это сдерживает руководство партии, поскольку оно нуждается в одобрении со стороны активистов при определении политики [Schumacher, de Vries, Vis, 2013, p. 474]. «Нишевые партии» заинтересованы в своем основном вопросе и поэтому не будут уделять внимание изменению общественного мнения в более широком лево-правом измерении. Более того, игнорирование трансформации медианного избирателя вряд ли будет «дорогостоящим» для этих партий, поскольку их репутация строится на отличительном акценте [Meguid, 2005, p. 357]. Исследователи обнаружили, что сторонники «нишевой» партии, как правило, разделяют схожие взгляды по ее основным вопросам, но идеологически расходятся по второстепенным вопросам. Именно поэтому изменения программных установок может привести к снижению электорального веса. [Rovny, Polk, 2020, p. 264].

Однако среди исследователей есть противоположная точка зрения. Первоначально «нишевые партии» получают электоральное преимущество от акцента на одной всеобъемлющей проблеме, но положительные эффекты уменьшаются по мере того как партии проходят несколько электоральных циклов. Представители этих партий в парламентах не могут в одиночку решить главный вопрос, что приводит к разочарованию избирателей [Zons, 2016]. Поэтому для налаживания взаимодействий с другими партиями «нишевые партии» могут либо изменить позицию по своему основному вопросу и сделать ее менее радикальной из-за опасения потери голосов в будущем (см., например: [Elias, Tronconi, 2011, p. 513; Adams, 2012, p. 34]), либо уменьшить акцент на главной проблеме, по которой были достигнуты результаты (например, достижение децентрализации для региональных партий) и обра-

тить внимание на другие аспекты (см., например: [De Winter, 2011; Gomez-Reino, 2002; Meguid, 2023]). Такая стратегия может привести к увеличению доли голосов, если среди ядерного электората есть консенсус относительно новых вопросов [Spoon, Williams, 2022].

Таким образом, «нишевые партии» оказываются перед дилеммой. С одной стороны, трансформация повестки из узконаправленной в более широкую может привести к снижению поддержки со стороны ядерного электората, сокращению доли мест в парламенте, снижению шансов на участие в правительственных коалициях. С другой стороны, «нишевость» мешает обретению поддержки среди новых сегментов электората, а статичность программы препятствует формированию коалиций по широкому спектру идеологических проблем. «Зеленые» по-разному решают эту дилемму. Некоторые продолжают делать акцент на экологическую повестку. В качестве примера можно привести Бельгию, где важность экологических вопросов остается неизменной со времени первых национальных выборов. И наоборот, некоторые расширяют свою повестку, демонстрируя значительное сокращение доли экологических проблем, как, например, в Финляндии, с 39,6% в 1983 г. до 17,62% в 2021 г. Таким образом, возникает вопрос, как процессы трансформации влияют на политические успехи, в частности – на перспективы участия в правительственных коалициях.

Теоретические подходы к формированию правительственных коалиций в парламентских системах

Главная особенность парламентских систем состоит в формировании правительства партией или партиями, получившими большинство мест в легислатуре по результатам парламентских выборов. В условиях, когда на выборах используется пропорциональная система, как правило, ни одна партия не получает абсолютного большинства, что ведет к необходимости создания правительственных коалиций. В результате многочисленных исследований формирования правительственных коалиций сложились два основных теоретических объяснения. Одна группа ученых исходит из предположения, что политические субъекты действуют рационально, стремясь максимизировать свои преимущества при минимизации затрат. Этот принцип первоначально предполагал формирование

союза, который обладает минимумом парламентских голосов, необходимых для большинства, что означает контроль в размере 50% + 1 место в законодательном органе. Цель каждого участника – получить от вхождения в правительство наибольшую выгоду, часто измеряемую министерскими портфелями. Размер коалиции играет решающую роль, поскольку более крупная конфигурация приводит к меньшим индивидуальным выгодам. В результате была сформулирована гипотеза У. Райкера, известная как «принцип размера»: «...для любой коалиции, превышающей минимум, ее члены могут, исключив одного или нескольких своих партнеров, увеличить сумму, подлежащую разделению между ними» [Riker, 1962, p. 39], и, следовательно, «среди рациональных игроков с совершенной информацией возникают только минимальные выигрышные коалиции» [Riker, 1962, p. 46].

Альтернативный подход к объяснению формирования правительственных коалиций в парламентских системах разработал А. де Сваан. Он утверждал, что цель актора состоит в том, чтобы участвовать в коалиции, максимально соответствующей преференциальной политике. Модель учитывает несколько предположений: (1) участники коалиции могут быть ранжированы на одномерной оси на основе политических предпочтений, (2) акторы ожидают, что политика коалиции будет соответствовать медиане предпочтений присоединяющихся партнеров, и (3) партии обладают полной информацией о ресурсах и политических наклонностях друг друга во всех потенциальных коалициях [de Swaan, 1990]. Исходя из этого, Де Сваан заключает, что акторы стремятся минимизировать идеологическую дистанцию между участниками коалиции, что потенциально может привести к формированию «сверхразмерной коалиции» [de Swaan, 1990, p. 429].

Таким образом, теоретические подходы формирования правительственных коалиций выделяют два основных фактора: политический вес, выраженный в доле контролируемых мест в законодательном органе, и идеологическая близость. Исходя из предыдущих исследований, можно говорить, что они не противоречат, а дополняют друг друга (см., например: [Dumont, Falcó-Gimeno, Indridason, Bischof, 2024; Сидоров, 2015; Сидоров, 2014; Амиантова, 2010; Артюшин, 2006; Мютцених, 2006]). Однако эти предикторы не единственные и не обладают исчерпывающими объяснениями. Так, П. Митчелл и Б. Найблейд, применив данные

теории к 415 правительствам в 17 странах с парламентскими системами за период с 1945 по 1999 гг., обнаружили, что минимально выигрышная коалиция была в 30,5% исследуемых случаев, а идеологически близкая коалиция – в 19,3% [Mitchell, Nyblade, 2008]. Несмотря на то что в комбинации эти два подхода объясняют лишь половину случаев, они сохраняют свою значимость, и их необходимо учитывать, в том числе в исследовании участия зеленых партий в правительственных коалициях. Вместе с тем результаты исследования П. Митчелла и Б. Найблеяда нацеливают на поиск иных факторов формирования правительственной коалиции. Для участия в коалициях «нишевых партий», в том числе «зеленых», таким фактором, исходя из размышлений, представленных выше, может быть динамика их программных предпочтений.

Операционализация модели и эмпирические данные

Под «зеленой» обычно понимается партия, одним из приоритетов деятельности которой является защита окружающей среды, и, хотя сегодня проблемы экологии являются значимыми для многих политических партий, не всех их можно определить как «зеленые». В данном исследовании операционально «зеленые» определяются как партии, подписавшие «Глобальную хартию зеленых», принятую в 2001 г. в Канберре более чем 800 делегатами из 72 стран. Хартия была подготовлена членом австралийских «зеленых» Луизой Кроссли и основывалась на более ранних совместных заявлениях экологов на Саммите Земли 1992 г. в Рио-де-Жанейро, а также на региональных манифестах «зеленых» партий.

Единицами наблюдения в данном исследовании выступают коалиционные правительства в странах Западной и Северной Европы с парламентской системой с 1981 по 2021 г. Период исследования обусловлен первым участием «зеленых» в федеральных выборах (Бельгия, 1981) и последними парламентскими выборами. Всего в выборке 91 единица наблюдения в 9 странах: Австрия, Бельгия, Германия, Дания, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Финляндия и Швеция.

Зависимой дихотомической переменной является участие или не участие (случаям присваивается 1 и 0 соответственно) «зе-

ленных» в правительстве. При определении независимых переменных учитываются классические подходы к объяснению формирования правительственных коалиций в парламентских системах. В соответствии с теорией минимальной выигрышной коалиции значимым фактором участия «зеленых» в правительственной коалиции должен быть их политический вес. Он измеряется как доля мест «зеленых» в парламенте, расчет сделан на основе базы данных «ParlGov»¹.

Гипотеза 1: чем больше доля мест в парламенте у «зеленых» партий, тем выше вероятность их вхождения в правительственную коалицию.

Кроме того, ряд авторов указывают на важность предыдущего опыта участия в правительственной коалиции [Martin, Stevenson, 2010]. Например, С. Андерсон и С. Гуиллори, исследовав правительства европейских стран с 1945 по 1990 г., пришли к выводу, что если члены действующего кабинета министров довольны друг другом, результаты выборов не слишком неблагоприятны для них, и правительственные партии контролируют законодательное большинство, то действующий состав исполнительного органа власти вполне может принять решение остаться у власти [Anderson, 1997]. Эта переменная операционализирована в бинарной шкале: 1 присваивается, если «зеленые» участвовали в предыдущем правительстве, 0 – в остальных случаях.

Следует также принимать в расчет партийную композицию парламентов в целом. В частности, П. Уорвик на примере правительств и парламентов западноевропейских стран за период с 1950 по 1989 г. показал, что чем больше партий в законодательном органе, тем сложнее формировать правительство [Warwick, 1994]. Кроме того, высокая фрагментация увеличивает количество «конкурентов» для «зеленой» партии. Фрагментация парламента определяется через эффективное число партий. Данные были взяты из базы Party Systems & Government Observatory².

В соответствии с теорией идеологически связанной коалиции тестируется влияние идеологической дистанции на участие в правительстве.

¹ ParlGov project. – Mode of access: <https://www.parlgov.org/> (accessed: 29.02.2024).

² Ibid.

Гипотеза 2: чем меньше идеологическая дистанция между «зелеными» и партией премьер-министра, тем выше шанс у первых войти в правительство.

Данные были взяты из проекта *Manifesto Project Main Dataset (Party Preferences)*¹, в котором представлен контент-анализ предвыборных манифестов более 1000 партий в более чем 50 странах с 1945 г. по сегодняшний день. Кодировка сделана по семи категориям (внешние отношения, свобода и демократия, политическая система, экономика, благосостояние и качество жизни, социальный порядок, социальные группы), а также подкатегориям, среди которых есть «окружающая среда» (*Environmental Protection*). Значимость каждой категории для партии измеряется как доля заявлений по этой категории относительно всего текста манифеста в процентах, значения, соответственно, варьируются от нуля (нет заявлений по проблеме) до 100 (вся программа посвящена одному вопросу).

С использованием этих данных были сформированы два индикатора. Первый характеризует дистанцию между партией премьер-министра (как правило, она является главным актором коалиции) и «зелеными» по проблемам окружающей среды. Значение рассчитано как разница по доле проблем окружающей среды в предвыборной программе. Соответственно, чем меньше величина, тем ближе партии по этим вопросам. Второй индикатор – идеологическая дистанция «в целом». В *Manifesto Project Main Dataset (Party Preferences)* на основе всех семи категорий рассчитана переменная, которая показывает положение партий на лево-правой шкале: от самой левой (–100) до самой правой (100). Соответственно, разница этих показателей показывает, насколько партия премьер-министра и «зеленая» партия различаются с точки зрения места в идейно-политическом спектре.

Однако главная задача данного исследования – выяснить, как трансформация политической повестки «зеленых» влияет на их участие в правительственной коалиции. Поэтому основной независимой переменной в данном исследовании является динамика политических позиций «зеленых» в предвыборных манифестах, контролирующая влияние и парламентского веса зеленых, и идео-

¹ Manifesto Project Dataset. – Mode of access: <https://manifesto-project.wzb.eu/> (accessed: 29.02.2024).

логической близости с партией премьер-министра. «Зеленые» могут сохранять фокус на вопросах экологии либо трансформироваться, расширяя повестку и тем самым снижая долю проблем окружающей среды в предвыборной программе. Чтобы протестировать, какая стратегия более выигрышна, проверяется следующая гипотеза.

Гипотеза 3: чем больше снижается внимание зеленых к проблемам окружающей среды, тем больше шансов вхождения в правительственную коалицию.

Динамика доли проблем окружающей среды высчитывается как разность между долей проблем окружающей среды в предвыборной программе «зеленых» в текущем и предыдущем электоральных циклах. Соответственно, положительные значения показывают, что внимание к экологии у «зеленых» увеличилось, а отрицательные – уменьшилось, т.е. партии снижают акцентуацию экологических вопросов.

В табл. 1 представлена дескриптивная статистика по всем переменным.

Таблица 1

Дескриптивная статистика

Переменные	Количество случаев	Минимум	Максимум	Среднее
Доля мест в парламенте	91	0	15,08	6,08
ЭЧП	91	2,6	9,7	5,08
Дистанция по проблемам окр. среды	91	-3,5	47,9	9,96
Идеологическая дистанция	91	0,29	82,07	22,17
Динамика доли проблем окр. среды	82 ¹	-17,22	15,57	-0,52

Примечательно, что в среднем по всем единицам наблюдения значение динамики доли проблем окружающей среды близко к нулю. Однако разброс значений достаточно большой. Минимум – шведские «зеленые» в 1988 г.: они снизили долю экологических проблем в своей предвыборной программе на 17,22%. «Зеленые» в Дании в 1998 г., напротив, демонстрируют максимальное значение, доля проблем окружающей среды у них выросла на 15,57% по сравнению с предыдущим электоральным циклом. Любопытно, что в обоих случаях партии не вошли в правительство. В целом анализ по динамике доли экологических проблем показывает, на-

¹ Первый электоральный цикл пропущен из-за невозможности рассчитать динамику доли проблем окружающей среды.

сколько разные стратегии выбирают «зеленые» партии: в 36 случаях из 82 они увеличили долю упоминаний проблем экологии в предвыборных манифестах, в 39 уменьшили, а в 7 значение этого показателя не изменилось.

Результаты анализа

Методом исследования выбрана логистическая регрессия, так как зависимая переменная (участие «зеленой» партии в правительственной коалиции) измеряется дихотомически. Для анализа построены три регрессионные модели. Первая включает соответствующие теории минимальной выигрышной коалиции переменные, такие как доля мест в парламенте, предыдущий правительственный опыт и фрагментация законодательного органа власти. Во вторую модель добавлены переменные, характеризующие идеологическую дистанцию между «зелеными» и партией премьер-министра, а в третью – переменная, характеризующая трансформацию экологических проблем в предвыборных программах «зеленых» партий. Результаты анализа представлены в табл. 2¹.

Во всех моделях статистической значимостью обладают коэффициенты у двух предикторов, которые тестируют подход минимально выигрышной коалиции. Так, при увеличении доли мест в парламенте «зеленой» партией на 10 п. п. шансы на участие в правительстве увеличиваются в 5,9 раза по сравнению с неучастием. Таким образом, для партии важен электоральный вес, чтобы быть более предпочтительным партнером по коалиции. К тому же, чем больше доля мест в парламенте, тем меньше акторов нужно для формирования коалиции и распределение министерских портфельей происходит между меньшим количеством игроков. Предыдущий опыт участия в исполнительном органе власти также статистически значим во всех моделях и увеличивает соотношение шанса на участие относительно неучастия в 4,44 раза. Влияние фрагментации парламента оказалось статистически не значимым.

¹ По всем интервальным независимым переменным шаг шкалы составляет 10 п. п.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Доля мест в парламенте	1,79** (0,87) 5,9	2,49** (1,05) 12,15	2,46** (1,17) 11,69
Инкумбент	1,49** (0,75) 4,44	1,81** (0,83) 6,06	2,55*** (0,98) 12,79
ЭЧП	0,16 (0,18) 1,17	0,23 (0,19) 1,26	0,26 (0,22) 1,3
Дистанция по проблемам окружающей среды		0,2 (0,44) 1,22	0,28 (0,51) 1,32
Идеологическая дистанция		-0,48* (0,26) 0,62	-0,49* (0,29) 0,61
Динамика доли проблем окружающей среды			-1,44** (0,61) 0,24
R ² Кокса и Снелла	0,08	0,13	0,18
N	91	91	82

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строчке представлены регрессионные коэффициенты, во второй – в скобках указаны стандартные ошибки, в третьей – соотношение шансов.

Что касается идеологических переменных, то влияние дистанции в предпочтениях по экологическим проблемам между «зелеными» и партией премьер-министра оказалась статистически незначимыми. Можно предположить, что поскольку «зеленые» являются младшими партнерами, именно они должны меняться и быть ближе к партии премьер-министра, которая и формирует коалицию. Но если смотреть не только на один вопрос, а на партийно-идеологический спектр в целом, то влияние статистически значимо. Так, при увеличении дистанции в положении партий на лево-правой шкале на 10 п. п., соотношение шансов на вхождение относительно невхождения в правительство уменьшается в 1,61 раза. Соответственно, чем меньше дистанция по «лево-правой» шкале, тем предпочтительнее «зеленые» как младший партнер по коалиции. Таким образом, обе классические теории подтверждаются на примере «зеленых» партий.

Что касается программных трансформаций «зеленых», то основная гипотеза исследования подтвердилась. При увеличении доли вопросов окружающей среды по сравнению с предыдущим электоральным периодом на 10 п. п. соотношение шанса на вхождение относительно невхождения в правительственную коалицию уменьшается в 3,85 раза. Следовательно, в целом снижение акцента на основной проблеме оказывает положительное влияние на привлекательность «зеленых» как партнера по правительственной коалиции, и этот вывод дает важную информацию для объяснения стратегий «нишевых партий». В тех случаях, когда «нишевые партии» действуют рационально, стратегически дистанцируясь от своей основной проблемы для расширения электоральной повестки, это положительно влияет на их участие в правительстве.

Несмотря на то что значение R^2 в представленных моделях невелико (от 0,08 до 0,18), с добавлением новых предикторов оно возрастает, что подтверждает значимость как обеих классических теорий формирования правительственных коалиций, так и фактора динамики предпочтений «зеленых» партий. Вместе с тем, поскольку в третьей модели R^2 составляет 0,18, т.е. в сумме все независимые переменные объясняют лишь пятую часть вариации, это говорит о том, что протестированные факторы не являются исчерпывающими для объяснений увеличения шансов «зеленых» на участие в правительственных коалициях. Иными словами, благоприятное воздействие снижения акцента на экологию для участия «зеленых» в правительственной коалиции – не более чем тенденция, однако в каждом конкретном случае на это влияют и многие другие факторы, которые могут действовать в противоположном направлении.

Яркие примеры, иллюстрирующие выявленную тенденцию: выборы 1995 г. в Финляндии и 1998 г. в Германии. В обоих случаях доля экологических проблем в предвыборных манифестах «зеленых» заметно снизилась – на 17,22% и 14,03% соответственно, – это стало самым значительным снижением со времени первых федеральных выборов, в которых участвовали «зеленые». По итогам выборов они вошли в национальные правительства. В Ирландии в 2011 г. «зеленые», наоборот, увеличили внимание к экологическим вопросам на 8,68%, в итоге партия не смогла получить ни одного места в парламенте. Вместе с тем обнаруживается немало случаев, идущих вразрез с выявленной тенденцией. В Швеции в 2018 г., например, доля внимания к проблеме окружающей среды

в программе «зеленых» увеличилась на 11,13%, но партия приняла участие в правительственной коалиции. В Люксембурге в 1999 г. и в Ирландии 1997 г. доля вопросов, связанных с экологией, уменьшилась на 13,07% и 11,18% соответственно, но «зеленые» не вошли в национальные правительства.

Возникает вопрос: если «зеленые» снижают акцент на основном вопросе, какие проблемы получают дополнительное внимание? В поисках ответа были протестированы несколько регрессионных моделей, в которые дополнительно к тем переменным, которые представлены в модели 3, поочередно добавлялись (рассчитанные по аналогии с динамикой доли проблем окружающей среды) значения динамики доли других проблем в предвыборных манифестах «зеленых» по категориям, закодированным в *Manifesto Project*: внешние отношения, свобода и демократия, политическая система, экономика, благосостояние и качество жизни, социальный порядок, социальные группы. В результате оказалось, что ни у одной из этих переменных коэффициенты не имеют статистической значимости. Следовательно, какой-то общей тенденции нет, партии действуют ситуационно для достижения своих целей. В случае Германии в предвыборной программе 1998 г. самый большой рост показали вопросы, связанные с социальными группами (под ними понимаются экономически незащищенные граждане), доля которых увеличилась более чем в два раза и составила 22,35% манифеста. Возможно, это связано с тем, что женщины-избиратели сверхпредставлены в электорате партии «Зеленых» [Dolezal, 2010], и именно им уделена значимая часть программы. В 1998 г. в Германии и в 2011 г. в Дании значимость экономических вопросов выросла на 13,76% и 13,01% соответственно – это обозначило одну из самых существенных динамик за рассматриваемый период. В обоих случаях партии вошли в правительственные коалиции после выборов. Однако, как уже было отмечено ранее, в Швеции в 1994 г. увеличение внимания к экономическим проблемам на 21,55% не привело к участию в правительстве.

Из этого можно сделать вывод, что, трансформируя свои программы, «зеленые» партии делают это по-разному, переключая внимание на различные проблемы, и с точки зрения участия в правительственной коалиции это имеет разный эффект.

Таким образом, проведенное исследование подчеркивает преобладающую среди «зеленых» партий Западной и Северной Европы тенденцию к уменьшению упоминаний о проблемах окружающей среды в предвыборных программах для увеличения шансов на участие в правительственных коалициях. В то же время оно подтверждает значимость классических теорий формирования правительственных коалиций в парламентских системах: существенное значение имеет электоральный вес и идеологическая близость между партией премьер-министра и «зеленой» в формировании кабинета министров.

Изучение факторов участия «зеленых» партий в правительственных коалициях расширяет понимание процесса формирования коалиций. Правительственный успех зависит от способности партии выйти за рамки исключительного внимания к экологическим проблемам. Стремление участвовать в правительстве и влиять на проводимую политику побуждает эти партии стратегически корректировать свои программные предпочтения. Таким образом, подобно основным партиям, «зеленые» демонстрируют прагматизм, адаптируясь к политической повестке потенциальных партнеров по коалиции. Можно предположить, что подобная стратегия характерна и для других «нишевых партий», но это требует отдельного исследования.

A.K. Mikheev*

**Influence of program transformations of green parties
on participation in government coalitions in Western
and Northern European countries¹**

Abstract. Emerged in the 1980 s as a type of «niche» party, the Greens have now become significant political players in Western and Northern Europe. They are increasing

* **Mikheev Andrey**, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Perm State University (Perm, Russia), e-mail: andreymikheev17@gmail.com

¹ The study was carried out within the framework of a state assignment N 124021400020–6 “Multi-level politics in the modern world: institutional and sociocultural dimensions”.

their representation in national parliaments and quite often participate in coalition governments. To increase their chances of entering government, they have an incentive to broaden their political agenda to attract new voters. This article asks how the program transformation of the Greens affects their participation in government coalitions in Western and Northern European countries. The study is based on the Manifesto Project Main Dataset and is conducted by logistic regression analysis. Along with the transformation of the Greens' programs, the following factors derived from the classical theories of government coalition formation are tested: the political weight of the party in the national parliament and the ideological proximity of coalition partners. By confirming the significance of these factors, the study allows us to conclude that the expansion of the Greens' political agenda, i.e. the reduction of the share of environmental issues in the electoral program compared to the previous electoral cycle, increases their chances of being included in the government coalition. Thus, the Greens demonstrate pragmatism by adapting to the political agenda of potential coalition partners.

Keywords: «green»; parliamentary system; government coalitions; minimum winning coalition; ideological affinity; niche party; Western Europe; Northern Europe; logistic regression.

For citation: Mikheev A.K. Influence of program transformations of green parties on participation in government coalitions in Western and Northern European countries. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 261–279. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.11>

References

- Adams R. Governance and the Financial Crisis. *International review of finance*. 2012, N 12 (1), P. 7–38. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2443.2011.01147.x>
- Anderson C., Guillory C. Political institutions and satisfaction with democracy: A cross-national analysis of consensus and majoritarian systems. *American political science review*. 1997, N 91 (1), P. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.2307/2952259>
- Amiantova I.S. Institutional and value foundations of coalition politics in modern states. *Representative power – XXI century: legislation, comments, problems*. 2010, N 7–8, P. 65–70. (In Russ.)
- Artyushin S.M. Political coalitions: problems of theory and regional practice. *News of the Herzen state pedagogical university postgraduate notebooks*. 2006, N 4, P. 8–17. (In Russ.)
- Batory A., Sitter N. Cleavages, competition and coalition-building: agrarian parties and the European question in Western and East Central Europe. *European journal of political research*. 2004, N 43 (4), P. 523–546. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00164.x>. 2004
- Bischof D. Towards a renewal of the niche party concept: parties, market shares and condensed offers. *Party politics*. 2015, N 23 (3), P. 220–235. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068815588259>

- De Swaan A. An empirical model of coalition formation as an n-person game of policy distance minimization. In: Groenings S., Kelley E., Leiserson M. (eds). *The study of coalition behavior*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970, P. 424–444.
- De Winter L. The volksunie. In: Tronconi B., Elias A. (eds). *From protest to power: Autonomist parties and the challenges of representation*. Wien: Braumueller, 2011, P. 27–49.
- Downs A. *An economic theory of democracy*. New York: Harper & Row, 1957, 310 p.
- Dolezal M. Exploring the stabilization of a political force: the social and attitudinal basis of Green Parties in the age of globalization. *West European politics*. 2010, N 33, P. 534–552. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402381003654569>
- Dumont P., Falcó-Gimeno A., Indridason I., Bischof D. Pieces of the puzzle? Coalition formation and tangential preferences. *West European politics*. 2024, N 47 (1), P. 61–87. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2234236>
- Elias A., Tronconi F. From protest to power: Autonomist parties in government. *Party politics*. 2011, N 17 (4), P. 505–524. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068811400528>
- Ezrow L., Adams J., Clark M., Glasgow G. Are niche parties fundamentally different from mainstream parties? The causes and electoral consequences of Western European parties's policy shifts. *American journal of political science*. 2006, N 50 (3), P. 513–529. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00199.x>
- Ezrow L., De Vries C.E., Steenbergen M.R., Edwards E.E. Mean voter representation and partisan constituency representation: do parties respond to the mean voter position or to their supporters? *Party politics*. 2010, N 17 (3), P. 275–301. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068810372100>
- Gomez-Reino M. *Ethnicity and nationalism in Italian politics inventing the Padania: Lega Nord and the northern question*. Aldershot: Ashgate, 2002, 248 p.
- Khutkyy D. Pirate Parties: The social movements of electronic democracy. *Journal of comparative politics*. 2019, N 12 (2), P. 49–68.
- Lucardie P. Animalism: a nascent ideology? Exploring the ideas of animal advocacy parties. *Journal of political ideologies*. 2020, N 25, P. 212–227.
- Martin L., Stevenson R. The conditional impact of incumbency on government formation. *American political science review*. 2010, N 104 (3), P. 503–518.
- Meguid B. Competition between unequals: the role of mainstream party strategy in niche party success. *American political science review*. 2005, N 99 (3), P. 347–359. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055405051701>
- Meguid B. Adaptation or inflexibility? Niche party responsiveness to policy competition with evidence from regionalist parties. *European journal of political research*. 2023, N 62 (2), P. 355–376. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12540>
- Meyer T., Miller B. The niche party concept and its measurement. *Party politics*. 2013, N 21 (2), P. 259–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068812472582>
- Mitchell P., Nyblade B. Government formation and cabinet type in parliamentary democracies. In: Strøm K., Müller W., Bergman. T. (eds). *Cabinets and coalition bargaining: the democratic life cycle in Western Europe*. Oxford: Oxford university press, 2008, P. 201–236.

- Mudde C. The single-issue party thesis: extreme right parties and the immigration issue. *West European politics*. 1999, N 22 (3), P. 182–197. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402389908425321>
- Muller-Rommel F. Ethnoregionalist parties in Western Europe. In: De Winter L., Tursan H. (eds). *Regionalist Parties in Western Europe*. London, New York: Routledge, 1998, P. 17–27.
- Mützenich R. Germany: the first steps of a grand coalition. *World economy and international relations*. 2006, N 5, P. 19–27. (In Russ.)
- Riker W. *The theory of political coalitions*. New Haven: Yale university press, 1962, 312 p.
- Rovny J., Polk J. Still blurry? Economic salience, position and voting for radical right parties in Western Europe. *European journal of political research*. 2020, N 59 (2), P. 248–268. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12356>
- Schumacher G., de Vries C.E., Vis B. Why do parties change position? Party organization and environmental incentives. *The journal of politics*. 2013, N 75 (2), P. 464–477. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381613000145>
- Sidorov V.V. Parliamentary systems as an environment for the formation of coalitions. *Kazan. Social and humanitarian bulletin*. 2015, N 2 (15), P. 48–53. (In Russ.)
- Sidorov V.V. Theories of coalition formation in foreign political science. *Political science (RU)*. 2014, N 1, P. 211–222. (In Russ.)
- Spoon J., Williams C. Environmental chauvinism? Explaining issue expansion among non-mainstream parties. *Party politics*. 2022, N 29, P. 1077–1108.
- Taggart P. A touchstone of dissent: euroscepticism in contemporary Western European party systems. *European Journal of political research*. 1998, N 33 (3), P. 363–388. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00387>
- Wagner M. Defining and measuring niche parties. *Party politics*. 2012, N 18 (6), P. 845–864. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068810393267>
- Warwick P. *Government survival in parliamentary democracies*. Cambridge: Cambridge university press, 1994, 182 p.
- Zons G. How programmatic profiles of niche parties affect their electoral performance. *West European politics*. 2016, N 39 (6), P. 1205–1229. DOI: [10.1080/01402382.2016.1156298](https://doi.org/10.1080/01402382.2016.1156298)

Литература на русском языке

- Амиантова И.С. Институционально-ценностные основания коалиционной политики в современных государствах // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2010. – № 7–8. – С. 65–70.
- Артюшин С.М. Политические коалиции: проблемы теории и региональной практики // Известия РГПУ им Герцена/ Аспирантские тетради. – 2006. – № 4. – С. 8–17.
- Сидоров В.В. Парламентские системы как среда для формирования коалиций // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2015. – № 2 (15). – С. 48–53.
- Сидоров В.В. Теории формирования коалиций в зарубежной политической науке // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 211–222.
- Мютценхен Р. Германия: первые шаги большой коалиции // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 5. – С. 19–27.